

Ю.П. Чемякин
Россия, Екатеринбург
Уральский федеральный университет
Кулайская культура – общность – непрерывность?*

Интерес к кулайской культуре (общности), как и к археологии раннего железного века западносибирской тайги в целом, в последние годы заметно упал. Выходят статьи, посвященные отдельным сторонам кулайского общества, чаще связанным с керамическим производством и металлообработкой, анализу металлопластики. Последние попытки рассмотреть это явление в целом, выявить проблемы, связанные с ним, и определить задачи для их решения, были предприняты на II Северном археологическом конгрессе (Ханты-Мансийск, 2006 г.) и XXI Международном научном симпозиуме «Интеграция археологических и этнографических исследований» (Барнаул, 2015 г.). В докладе Л.А. Чиндиной на Северном конгрессе, среди предстоящих задач, были упомянуты: «1. Договориться о понятиях «культура» и «общность» на разных этапах кулайской истории. 2. Обратит особое внимание на проблему миграций... 3. Принять решение по поводу усть-полуйской культуры... 4. ... Полностью опубликовать материалы Малгетского поселения, Саровского городища, Усть-Полуя и богатейшего Барсовского комплекса РЖВ... Необходимо перейти к системному обобщению сделанного, для чего сегодня требуется разработка научными центрами комплексной долгосрочной программы исследований по основным проблемам кулайской культуры» [Чиндина, 2006. С. 416]. По прошествии почти 20 лет практически ни одно из этих предложений не было реализовано.

Но что можно констатировать на сегодняшний день? В литературе практически уравнились понятия «кулайская археологическая культура (АК)» и «кулайская культурно-историческая общность (КИО)» = «историко-культурная общность (ИКО)», реже – «историко-этнографическая общность» или «область (ИЭО)». Широко используется понятие «локальный вариант культуры», часто без обоснования, в том числе как синоним (сургутский вариант кулайской АК = сургутская кулайская АК). Нередко в понятие «общность» вносится этнический элемент, отсюда дискуссии на тему: «кто же такие кулайцы?». Однако, на мой взгляд, КИО отражает культурную общность (общность культур), сложившуюся на определенной территории в определенный исторический период, и не связанную (или только отчасти связанную) с этносом. При этом территориальные границы общности со временем могут меняться. Поскольку определений КИО, как и АК, множество, и отношение к ним неоднозначное [Яблонский, 2010], Ю.В. Ширин относительно кулайской КИО предложил заменить термин «общность» на «непрерывность» [Ширин, 2015]. К сожалению, Юрий Викторович еще не дал определения «кулайской культурной непрерывности (ККН)», подразумевая под ней, возможно, непрерывность распространения элементов кулайских «классических» (нарымской и сургутской) культур во времени и пространстве, независимо от его характера. Введение же нового термина пока не привело к решению существующих проблем.

Как я не раз отмечал, вслед за Л.А. Чиндиной [1984], посуда васюганского (да и саровского) этапа достаточно разнообразна. Л.А. Чиндина выделила 5 групп васюганской керамики (и 3 группы саровской). Первые три группы по ряду признаков близки белоярской посуде и, на мой взгляд, скорее, предкулайские. Поэтому, когда в литературе упоминается «васюганская» или «саровская» керамика, невозможно понять, о какой из восьми групп идет речь. А ведь они различаются и хронологически.

Сегодня можно говорить о самостоятельных нарымской и сургутской кулайских культурах, местный (но разный!) генезис которых кажется обоснованным. Аганские древности этого времени тяготеют к сургутскому варианту, но детального сравнительного анализа материалов еще никто не делал. К сургутскому варианту близки и материалы из бассейна Конды, однако их происхождение пока неясно. Они могли возникнуть как на местной основе

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Стратиграфия, хронология и изотопные исследования памятников эпохи бронзы - раннего железного века Сургутского Приобья», № 24-28-00650

(такие материалы есть в виде лозьвинской и атлымской культур эпохи поздней бронзы и кульминских древностей РЖВ), так и в результате миграций. В кулайскую КИО следует включать синдейскую АК из этого же региона и Нижнего Приобья, хотя полноценной характеристики этого образования до сих пор нет [Викторова, 1998].

Не прекращаются дискуссии о нижнеобском варианте кулая, или усть-полуйской культуре в составе кулайской КИО. Взгляды на нее разнятся от миграционной теории, возможностей местного генезиса до представления о «невозможности выделять особую усть-полуйскую культуру... на основании одного хорошо исследованного памятника» [Федорова, Гусев, 2019. С. 34]. Но возникает вопрос – если не было культуры, то кто же тогда совершил «три революции Усть-Полуя» [Федорова, Гусев, 2019а)?

Что касается других, более южных территорий распространения кулайских древностей, относительно них доминируют миграционные теории (но в различных пониманиях). В Томском и Новосибирском Приобье отмечают несколько волн кулайских миграций, оригинальность памятников. В этой связи, возможно, целесообразно говорить не о новосибирском варианте кулайской культуры, а вернуть ей первоначальное название – каменномысская [Троицкая, 1973]. Ю.В. Шириным достаточно убедительно показана самостоятельность фоминской культуры, а не выделение фоминских памятников как позднего этапа одного из локальных вариантов кулайской АК [2003 и др.]. Предложенная им дискуссия о датировке и характере фоминских памятников Верхнего (Барнаульского) Приобья, к сожалению, не имела должного отклика у оппонентов. Аргументация Ю.В. Ширина мне кажется более доказательной.

Также разнообразны представления о среднеиртышской (сперановской) культуре. Если еще недавно доминировало представление о появлении «кулайцев» в регионе в результате миграций из Нарымского Приобья [Могильников, 1978; Елагин, Молодин, 1991], то сейчас появилась точка зрения о возможности местного генезиса культуры [Шерстобитова, 2015].

Краткий обзор современной ситуации в кулаеведении показал, что она далека от разрешения, и выработка единой терминологии – один из путей преодоления кризиса.

Литература

Викторова В.Д. Синдея, городище; синдейская культура // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.

Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. Новосибирск, 1991.

Могильников В.А. К вопросу о контактах населения Среднего Приобья и Прииртышья в раннем железном веке // Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978.

Троицкая Т.Н. О культурной принадлежности могильника Каменный Мыс // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 7.

Федорова Н.В., Гусев А.В. Кулайская проблема: история и современное состояние // *Universum Humanitarium*. 2019. № 1.

Федорова Н.В., Гусев А.В. Три революции Усть-Полуя // *Кунсткамера*, 2019а. Вып. 1 (3).

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984.

Чиндина Л.А. Проблемы кулайской культуры: вчера и сегодня // II Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург–Ханты-Мансийск, 2006.

Шерстобитова О.С. Кулайская культура в Среднем Прииртышье: некоторые вопросы генезиса и взаимодействия // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Барнаул; Омск, 2015.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003.

Ширин Ю.В. Размещение и культурная специфика южных групп памятников кулайской культурной непрерывности // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Барнаул; Омск, 2015.

Яблонский Л.Т. Осторожно: этническая археология! (Спички детям не игрушка) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: мат-лы XVIII Уральского археологического совещания. Уфа, 2010.